

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А15

Аболевич, Тери.

А15 Сны снежнoгoдникa : 10 мистических истoрий для холодных вечeрoв / Тери Аболевич. — Москва : Эксмо, 2023. — 240 с.

ISBN 978-5-04-174962-0

Скрипка, которая исполняет желания. Зеркало, которое показывает другие судьбы одного человека. Министерство сезонов, которое мешает наступлению зимы.

«Сны снежнoгoдникa» — это сборник мистических, увлекательных и трoгательных рассказoв для чтения с кружечкoй чая холодным зимним вечерoм. Они позволяют отвлечься от будничной суеты, успокоить разум и погрузиться в таинственный и морозный мир с неизменно положительным финалом.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174962-0

© Т. Аболевич, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Лунный
скрипач

— О х, Аня, аккуратнее!
Красный блестящий шарик съехал на самый край еловой лапы, но свалился не на пол, а в отцову ладонь.

— М-молодец, Виталий Семенович! — заплодировал Алеша, их юный сосед.

Отец Ани с победоносным видом навесил шар обратно на ветку и откатил инвалидное кресло назад. Ноги у папы отнялись еще по осени. Летом он переболел ковидом, и вроде бы обошлось без реанимации и видимых осложнений, но одним октябрьским утром Виталий Семенович не смог подняться с кровати. «Последствия “короны”, — разводили руками врачи. — Что отнимет, когда вернет и вернет ли вообще — неизвестно».

— И так Паштет елку каждый год роняет, хоть ты игрушки не бей, — проворчал отец.

Кот Паштет зевнул со своей лежанки: «И в этом году уроню».

Аня лишь пожала плечами.

Навесили последние украшения, Алеше было дозволено включить гирлянду.

— Елочка, г-гори! — сказал он, и дерево удивленно заморгало цветными огоньками, а в комнате

поселилось ожидание скорых чудес. Было двадцать пятое декабря.

— Ну вот, вроде бы красиво получилось. Правда, гарантирую, что мама придет с работы и все равно что-нибудь перевесит по-своему.

— Да! — воскликнул Алеша. — А мы с м-мамой тоже будем вечером украшать, у себя. Д-два раза к Новому г-году готовиться... Д-два счастья!

— Точно, ты целых два раза будешь елку наряжать.

— Спаси... — заулыбался Алеша.

Ему было четырнадцать. Он жадно глотал статьи по астрофизике и мог часами говорить о сингулярности, но терялся, если его отправляли в магазин за хлебом. Он упрямо говорил «пожа» вместо «пожалуйста» и «спаси» вместо «спасибо».

— Пойдем, — сказала Аня, закидывая учебники в сумку, — провожу тебя домой, а сама в институт — у меня же зачет вечером. Пока, па!

Зачет Аня сдала автоматом: второй курс филфака отпустил ее на праздники без хвостов. Домой она возвращалась через вечерний парк — небо было ясным, редкие звезды все-таки пробивались через свет городских фонарей. Вчерашний снег уже не-

много осел, но все еще сверкал и казался пушистым. Доносились звуки с катка — смех, музыка, крики, но здесь, на дорожке, было тихо и малоллюдно.

На одной из пустых скамеек Аня заметила черный футляр — в такой поместилась бы скрипка или укулеле. Хозяина рядом не было. Забыл, что ли, кто-то? Поддавшись любопытству, девушка подошла и раскрыла футляр; старомодные защелки глухо бряцнули. Ну да, скрипка обыкновенная — лакированный деревянный корпус, смычок, струны. В самом уголке деки сверкал позолоченный оттиск — полумесяц и несколько звезд.

— Позвольте, девушка. Это мое.

Аня вздрогнула — мужской голос раздался прямо у нее над ухом. Обернувшись, она увидела серьезное лицо молодого парня. Его темные, почти черные глаза и нахмуренные брови как будто обвиняли Аню в воровстве.

— Минуту назад вас тут не было. Что же вы инструментом разбрасываетесь? Вдруг кто-то стащит?

— А вы стащить собирались? Не сомневайтесь, я всегда сумею найти свою скрипку.

— Я шла мимо, а футляр просто лежал на лавочке. Откуда мне знать, что скрипка ваша? Может быть, какой-нибудь рассеянный музыкант ее забыл, а я сейчас вам в руки отдам? Докажите, что это ваше!

Парень опешил и нахмурился еще сильнее. Но Аня встала точно между ним и скамейкой, и обойти ее не представлялось возможным.

— Ладно, — сдался он. — Чтобы доказать, мне нужно сыграть, логично? Дай сюда.

Аня подозрительно прищурилась, но ей все-таки пришлось уступить. Парень взял в руки скрипку, смычок, приноровился и заиграл — в зимний вечер полилась чистая мелодия... которая оборвалась на полувзвук.

— Все, убедились? Отлично. Тогда я пошел.

Скрипач бережно уложил инструмент обратно в футляр и отправился восвояси. Но что-то не давало Ане покоя, в воздухе вместе с остатками мелодии повисла недосказанность. Сложно было объяснить, но какая-то сила повела ее за молодым музыкантом. Понимая, что творит, в сущности, глупость, она направилась по его следам.

Скрипач выбрался на небольшую поляну вдали от дорожки. Вокруг были одни деревья, а звездное небо, не засвеченное огнями города, как будто стало ярче. Аня спряталась за спящим толстостволовым кленом.

Парень достал скрипку, разложил перед собой открытый футляр и вот так, стоя посреди безлюдной полянки, по щиколотку в снегу, принялся играть.

Аня мало смыслила в тех сферах, где живет музыка, но эту мелодию она практически осязала. Звуки,

вытекавшие из скрипки, перекатывались по зимнему воздуху, как волны, и достигали... нет, не ушей — всего ее тела, и оно впитывало музыку, как губка впитывает разлитое молоко. Красивая мелодия, немного печальная, почти космическая — казалось, она зародилась где-то высоко среди звезд. И те отвечали и мигали в ответ, а луна подсвечивала скрипача так, что он казался полупрозрачным. Снег сверкал, ветер молчал, а музыка затапливала полянку и весь этот зимний вечерний парк.

Ане послышалось вдруг, будто в раскрытый футляр кто-то бросил немного мелочи. Она различила звук лишь потому, что он нарушил гармонию момента. Показалось? Но вот опять это «дзынь» невесть откуда. Не ходят же тут кругами привидения и не подают на хлеб несчастному музыканту, правда?

Дзынь. И так еще несколько раз.

Скрипач тем временем доиграл и стал укладывать инструмент в футляр, перед этим как будто и правда забрав оттуда пригоршню монет. На небо набежали легкие рваные облака, закрыв луну, и сразу стемнело.

— Выходи уже оттуда, — раздался знакомый голос. — Шпион из тебя никудышный.

Аня вздрогнула, но прятаться дальше смысла не было, и она вышла из своего укрытия. Снег под ногами гулко захрумкал.

— Кому это ты играл?

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

— Тебе, — ухмыльнулся скрипач, — и твоему любопытному носу. Ты кого-то еще здесь видишь?

— А что это был за звон?

Парень ничего не ответил, лишь направился обратно к дорожке. Они выбрались из сугроба, зачерпнув полные ботинки снега.

— Меня вместе с моим любопытным носом зовут Аня, кстати.

— Илья, — буркнул скрипач.

— Так что это был за звон? Словно кто-то невидимый тебе мелочь за игру бросал, — не унималась Аня. Ну в самом деле, теперь она от него не отстанет!

Илья вздохнул так, будто у него выдался очень тяжелый день или даже месяц. Он порылся в кармане и протянул ладонь — сверкнула золотистая монетка. На ней была изображена то ли комета, то ли падающая звезда — что-то лучистое и с хвостиком.

— Держи. Как придешь домой, положи под елку. Наутро сама все поймешь. И не ходи за мной больше!

Последние слова он произнес так резко, что желание продолжать шпионские игры у Ани отпало. Она молча взяла предложенную монетку, а Илья тут же развернулся и быстрым шагом исчез в переплетениях парковых дорожек. Аня взвесила монетку на ладони — тяжелая. Внутри отчего-то стало щекотно, как будто в груди поселилось вот это самое лучистое и с хвостиком и пообещало всяких радостей. Почему бы и нет?

Дома родители тихо ужинали на кухне. Елка переливалась светом гирлянд в темной гостиной, бросая цветные огоньки за окно. Интересно, почему все любят ставить елки так, чтобы с улицы было видно: в этом доме готовы к Новому году?

Монетку Аня положила под дерево, больно и совсем не по-праздничному исколовшись еловыми лапами. Выбираясь, она задела пресловутый красный шар — он все-таки съехал на пол и лишь чудом не разбился.

«Мр-р-р? — спросил Паштет. — Не умеешь ты, Аня, шары бить. Я покажу, как надо».

Утро двадцать шестого декабря встретило Аню суматохой. Не успела она проснуться, как возня из другой комнаты достигла ее ушей.

— Нюта! Нюта, иди скорее, посмотри! — долетел до нее радостный мамин голос. Ну что там такое?

Наспех одевшись, девушка зашла в гостиную. Там, как и прежде, горела гирляндами елка, а на самой ее макушке белым светом сияла звезда — разве у них была такая верхушка? Наверное, мама новую купила...

— Анята!

Рядом с новогодним деревом стояли родители. Оба.

Инвалидное кресло отца откатали в дальний угол за ненадобностью — он держался на своих ногах — крепко, уверенно — и обнимал маму.

— Ого! Па! Как это произошло?

— Не знаю, Аня, не знаю, это просто чудо какое-то! Всё как осенью, только наоборот — проснулся, а ноги ходят! Врачи так и говорили: «вдруг», «может, как-нибудь само»... Вот оно! Само!

Мысли в Аниной голове понеслись галопом. Илья, монетка, отцово исцеление... Горячая, почти осязаемая радость за папу мешалась с подозрительным холодком зимнего парка — Аня точно знала, что есть связь. Но какая-то совсем не логическая.

В этот день много обнимались. Виталий Семенович поочередно кружил в танце жену и дочь, в сердцах даже хотел выкинуть ненавистное инвалидное кресло с балкона («Ну а что, в Италии всякий хлам на Новый год из окон выкидывают!»), но вовремя опомнился.

— Нюта, пируем! — заявила мама. — Поди скажи соседям — надо на завтра Саргисянов позвать, да и Алеша с Ниной Андреевной пусть приходят. Будем отмечать новогоднее чудо!

Чудо...

Аня, успевшая уже натянуть на себя шарф и шапку, снова полезла под елку. Монетки нигде не было.

С одной стороны, ее мог умыкнуть Паштет — ищи ее теперь под шкафом или холодильником. С другой — на самой макушке весело сияла верхушка-звездочка. Лучистая и с хвостиком.

Саргисяны, жившие несколькими этажами ниже, радостно заохали, заголосили и полезли в сервант за припасенной бутылочкой армянского коньяка. «Будем, обязательно будем! И не с пустыми же руками идти. Счастье-то какое с Виталием Семеновичем приключилось!»

Алеша жил с мамой в соседнем подъезде. Аня встретила его у самых дверей, тот возвращался откуда-то с маленьким пакетом — прижимал его к груди, тихо шурша. Двигался Алеша всегда зажато, бочком. Сегодня почему-то особенно неуклюже, наверное, так казалось из-за его шапки, съехавшей набок.

— А... Аня... М-ма-ма... — тоскливо протянул он.

— Что мама?

— М-ма... Заб-болела. Вот, — Алеша продемонстрировал пакетик из аптеки.

— Ох, что-то серьезное? Помощь нужна?

Парень помотал головой, глядя в пол.

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

— Н-не... Я сам... — Алеша поджал губы и перегородил дорогу Ане, которая хотела зайти и проведать больную.

— Я сам, — упрямо повторил он.

Если ему что-то взбрело в голову, спорить было бесполезно. Сам так сам — знает, у кого попросить помощи.

— Ну ладно, ладно. Не буду тревожить твою маму. Но если что, сразу иди к нам, договорились? Код от подъезда помнишь?

— Помню. Два-семь-т-три-один. Спаси...

Девушка уже спустилась на несколько ступеней, когда он снова ее окликнул:

— Аня... Спаси... — и исчез в недрах квартиры, заперев дверь.

Что-то екнуло под ребрами — то ли это утреннее чудо с отцовыми ногами, то ли извечное Алешино «спаси»... Аня, кивнув собственным мыслям, во что бы то ни стало решила разыскать Илью.

Еще не было и пяти, но темный вечер уже окутал город. Улицы нанизали на себя фонари-жемчужины, из густо-сиреневого неба сыпались снежинки. Да уж, сегодня ни одной звезды не увидишь, сплошные облака.

Аня блуждала по парковым дорожкам, всматриваясь в прохожих: одни шагали беззаботно и вразвалочку, другие тащились по холоду с измученным видом, кто-то лепил снежки красными от мороза ру-

ками... Вот только Ильи нигде не было. Один раз она даже пошла на звуки скрипки — оказалось, на припорошенной снегом летней сцене играл какой-то старик. Аня положила ему в футляр пару купюр, а немного подумав, бросила монетку — славно было услышать это «дзынь».

Отчаявшись повстречать другого, нужного скрипача, девушка купила в уличном фургончике глинтвейн — бумажный стаканчик приятно согрел руки. В этом парке его почему-то готовили на скандинавский манер: с изюмом и кусочками раскрошенного миндаля. Аня присела на самый краешек скамейки и отхлебнула горячего вина; по телу растеклось блаженное тепло.

— Здравствуйте, Аня и ее любопытный нос. Что на этот раз?

Илья появился внезапно, как будто из воздуха, и уселся рядом. Аня вздрогнула.

— Ты чего так пугаешь! И что значит — на этот раз? Не могу я просто гулять?

— Нет, — уверенно сказал он, забрав у девушки из рук стаканчик с глинтвейном и шумно отхлебнув, — не можешь. Так в чем дело?

Ну ладно. Сам напросился.

— Папа снова ходит! Он с осени не мог, ноги отнялись, а теперь даже танцует, представляешь?

По лицу Ильи прошла тень улыбки.

— И звезда на еловой макушке откуда-то появилась... И вообще...

— Что вообще?

— Илья. Эта монетка, она как-то помогла? Понимаю, глупость, но мне кажется, неспроста ты играл на той полянке. А эти... с хвостиками... тебе в футляр сыпались.

Скрипач, который сегодня был без инструмента, достал из кармана куртки пару уже знакомых монет, показал их Ане и кивнул на небо:

— Сегодня облачно. Когда так, ничего не получится. Играть нужно только ясному небу. Иначе им не слышно, а если и слышно — так всё застревает в облаках.

— Что застревает?

— Чудеса. Новогодние чудеса. Я их так добываю. Положишь одно такое под елку — и оно случится. Как с твоим папой.

Илья говорил это настолько будничным тоном, что Аня даже усомнилась в его настоящести. Много о чем она хотела расспросить, но, подумав, сразу перешла к делу:

— Илья, у меня есть знакомый мальчик... Ему очень нужно...

— Нет, — резко прервал ее скрипач и поспешил убрать «чудеса» обратно в карман куртки. — Нет, и не проси.

— Почему?!

— Потому что все строго регламентировано. Каждому чуду — свой владелец. У нас в канцелярии все расписано, ни шагу в сторону.

— Но папа...

— Твой папа и так получил бы монетку. Он был в списке. Я и без того собирался навестить его прошлой ночью, подбросить чудо под елку. Вы ведь ее уже нарядили, у окна поставили?

— Да...

— Ну вот. Думаешь, зачем елки подсознательно у окон ставят? А мы тихонечко чудеса подкладываем, пока никто не видит.

Аня подумала, что глинтвейн ей продали какой-то особенно крепкий. Может быть, с ромом. Всё, что говорил Илья, имело и не имело смысла одновременно — так вообще бывает?

— Мальчик Алеша, четырнадцать лет. Живет на Полярной улице, дом тринадцать, квартира двадцать один. Ему полагается чудо?

— Нет, — отрезал Илья.

Аня разозлилась.

— Тогда зачем ты все это мне рассказываешь?! Зачем пришел сегодня?

— Да ты приставучая как банный лист, так бы и ходила по парку кругами, донимая меня своей разведкой — я же все чувствую.

— Дай монетку!

— Нет.

